

В. В. Цимиданов

Гребни и орудия прядения в погребениях срубной культуры

огребальный инвентарь срубной культуры очень разнообразен. Нами проанализировано 2326 срубных захоронений с территории Украины. Выяснилось, что примерно каждое десятое из них в дополнение к керамике содержит и какой-то иной инвентарь. Категории этого дополнительного инвентаря многочисленны: деревянные блюда и чаши; бронзовые ножи; украшения — височные подвески, браслеты, перстни, бронзовые и костяные бляшки, бронзовые и свинцовые кольца, бусы из пасты, бронзы, кости, различных пород камня; жезлы, в том числе с навершиями в виде каменного топора и булавы; пряслица; шилья и иглы из бронзы; костяные проколки; каменные куранты, плитки, абразивы; астрагалы, в том числе в составе игровых наборов, бабки, зубы животных и человека; кусочки шлака, руды; корольки металла; кусочки мела, смолы; камешки; глиняные лепешки; кремневые изделия (в основном — отщепы); изделия из дерева с бронзовой скобой, неясные по функциональному назначению; «щит» из нескольких слоев кожи; костяные флейты и трубки неясного назначения; костяные пластины, «ворворка», «лопаточка» и т. д. Если обратиться к материалам Поволжья, то данный обширный список можно дополнить предметами вооружения и деталями конской упряжи. Несомненно, каждый из этих предметов имел знаковую нагрузку. Мы остановимся лишь на некоторых категориях погребального инвентаря срубной культуры.

В срубных погребениях встречаются стержни из расколотых вдоль трубчатых костей с одним заостренным концом, а вторым иногда оформленным в виде резной головки. Если комплекс не нарушен, стержни размещены пачкой (5-9 штук), компактно, острия их направлены в одну сторону. Нами учтено 10 погребений с данными стержнями на территории Украины [1, с. 78-79; 2, рис. 5; 3; 4, рис. 10, 6, 7; 5, рис. 18, а; 6, с. 8, рис. 1, 27; 7, с. 23, 25, рис. 3, 5, 6; 8, с. 9-10, рис. 1, 3, 5; 9, с. 115, рис. 1, 2, 2, 1, 2, 3, 8, 10]. Эти погребения относительно равномерно размещены на большой территории: 4 — в Луганской обл., причем 3 из них выявлены в одном могильнике, 2 — в Донецкой, 2 — в Днепропетровской, по 1 — в Запорожской обл. и Крыму. За пределами Украины мы знаем лишь 1 комплекс с пачкой стержней — Вербовый Лог, 6/7 в Дубовском р-не Ростовской обл. Здесь наряду с 8 стержнями имелся сосуд, спиралевидная подвеска с пунсонным орнаментом, бронзовая игла, 2 гешировые и 10 халцедоновых бусин, много бисера, которым были обшиты шапка и края рукавов [10, с. 9]. Далее к востоку — в Поволжье и Приуралье — пачки стержней в срубных погребениях нам неизвестны.

На территории Украины удельный вес интересующих нас захоронений невелик. В сводке из 2326 комплексов погребения со стержнями составляют 0,4%. Для сравнения: удельный вес погребений с астрагалами в той же сводке — 2,5, комплексов с украшениями — 2,5, погребений с ножами — 2,1, погребений с деревянными чашами — 0,9, захоронений с блюдами — 0,9%. С другой стороны, пачки стержней встречаются в погребениях чаще, чем, например, куранты, абразивы, пряслица, удельный вес комплексов с которыми составляет по 0,1%.

Изделия, напоминающие рассматриваемые стержни, встречаются в ямной [11, с. 44],

катакомбной [12, с. 111-112], культуре многоваликовой керамики [13, с. 94], белозерской культуре [14, с. 28]. В срубной культуре они известны не только в погребениях, но и на поселениях [3]. Трудно найти другое изделие бронзового века, которое трактовалось бы столь противоречиво, как данные стержни. Их именовали проколками [11, с. 44], коклюшками¹ [6, с. 8], булавками или подвесками [15, с. 44], спицами [16, с. 143; 3], челночками [12, с. 111]. Данные предметы считали деталями ткацких станков [16, с. 143; 13, с. 94], гребнями — орудиями прядения или ткачества [1, с. 121-122], гребнями — предметами туалета [5, с. 54], колышками для растягивания шкур или подвешивания вещей [17, с. 157] и т. д. Не исключено, что данные изделия были полифункциональны.

Гипотеза о том, что среди стержней есть остатки гребней — предметов туалета, получила подтверждение после раскопок кургана у с. Краснопартизанское в Крыму. В погребении 3 срубной культуры под черепом и на нем размещалось 40 стержней с резными головками. Судя по их расположению [9, рис. 2, 1], в данном случае мы сталкиваемся с несколькими гребнями, которые были воткнуты в волосы или крепились к головному убору. Аналогична находка из погребения 2 кургана 2 у с. Петровское Донецкой области. Здесь под черепом было обнаружено также 40 стержней с резными головками². Можно допустить, что наличие на стержнях из срубных погребений резных головок указывает на то, что в захоронении был гребень. Стержни с резными головками были еще в двух комплексах нашей сводки. Один из них (Лелихова Могила, 2/1, Запорожская обл.) разрушен, и установить число стержней и их первоначальное положение невозможно [8, с. 9-10]. В другом (Котовка I, 11/17, Днепропетровская обл.) 7 стержней лежали у сосуда, на удалении от черепа [6, с. 8]. Гребень был и в погребении из Покровки, (3/10, Донецкая обл.), судя по данным трасологии, но здесь стержни не имели резных головок [3, с. 121].

Последние два комплекса интересны тем, что гребни выявлены не на голове. В данной связи уместно вспомнить различные ритуальные манипуляции с гребнями, производившиеся над умершими или обреченными на смерть. В частности, в волшебных сказках индоевропейцев гребень вводят в волосы женщине, чтобы ее убить, а затем извлекают из волос умершей [18, с. 127]. У восточных славян покойника расчесывали, а гребень потом иногда клали в гроб [19, с. 346]. На раннесредневековом могильном камне из Нидердоллендорфа (Германия) изображен воин, расчесывающий волосы [20, Fig. 102/103]. Видимо, аналогичные операции над умершим производились и носителями срубной культуры. Ответить на вопрос, кому в погребения попадали гребни, пока не представляется возможным. У нас нет определений пола и возраста ни для одного из срубных захоронений с гребнями. В волшебных сказках гребень ассоциируется и с женщиной (в эпизодах с расчесыванием), и с мужчиной (в эпизодах с ритуальным бросанием гребня). Сказки отразили наиболее архаичные представления, связанные с гребнями. Для нашего случая наиболее важно то, что гребень входит в круг представлений о загробном мире. В срубной культуре гребень не был атрибутом представителей социальной верхушки. Из 5 погребений 3 ничем, кроме наличия гребня, не отличаются от модели рядового погребения. В захоронении из Покровки были бусы и перстень. С погребением из Петровского связана, видимо, досыпка: в могиле имелись кости животного. Мы склонны полагать, что попадание гребня в срубное погребение было связано с моментами несоциальной сферы — полом, возрастом, причиной смерти и т. д.

В части погребений пачки стержней без резных головок являются остатками орудий прядения или ткачества. И. А. Писларий допустил, что стержни крепились в деревянной основе, а само орудие, похожее на гребень, применялось для расчесывания волокон или прибивания нитей в процессе ткачества [1, с. 78-79]. При этом исследователь исходил из того, что в срубных погребениях (а в то время он знал лишь о двух таких комплексах) стержни

¹Коклюшки — предметы для плетения кружев, подвешивающиеся на нитях.

²Мы искренне благодарны автору раскопок А. И. Привалову за разрешение воспользоваться информацией об этом неопубликованном комплексе.

лежат так, как лежали бы зубья гребня. Идея И. А. Пислария оказалась приложимой к материалам белозерской культуры. Подобные стержни были обнаружены в погребениях могильника Будуржель, причем трасологический анализ выявил следы утилизации в виде мелких наклонных бороздок под углом 30-50 градусов от длинной оси на поверхности, в основном в верхней трети изделий. Это вполне соответствует идее о применении поделок в качестве гребней-чесал [14, с. 28; 21, с. 103]. При этом интересно то, что в одном из погребений они не размещались пачкой, а были разбросаны по дну могилы. Возможно, мы сталкиваемся со следами ритуала, в ходе которого орудие намеренно ломалось.

Что касается срубных погребений, то исследования А. Н. Усачука выявили подобные следы лишь на гребне из Покровки. В других четырех захоронениях, стержни из которых были подвергнуты трасологическому анализу (Александровск, 5/11, 7/7, 9/18; Цимлян-ка 11, 2/2 — все комплексы с территории Луганской обл.), оказались так называемые «спицы» с поперечными или слегка наклонными следами вращения [3, с. 121]. А. Н. Усачук полагает, что спицы были орудиями прядения. Как они конкретно применялись, не вполне ясно. По мнению А. Н. Усачука, спицы использовались порознь. При этом он отмечает, что остается пока неясным «тот факт, что все спицы в погребениях лежат компактными группами, подобно гребням» [3, с. 121]. Действительно, спицы никогда не пересекаются, не лежат остриями в разные стороны. Причем пачкой они лежат не только в погребениях, но и на полу жилища № 6 поселения у Ляпичева Хутора [16, с. 143]. На наш взгляд, трудно допустить, что в могилах разрозненные спицы старательно выкладывались всегда в одном и том же порядке, причем на далеких одна от другой территориях. Такой жесткий канон не имеет аналогов в культовой практике срубного населения и представляется нам маловероятным. Более мы склоняемся к идее И. А. Пислария, согласно которой данное орудие имело вид гребня. Кроме упомянутых четырех комплексов, спицы, вероятно, были в погребении из Губинихи II, к. 3-4, п. 14 (Днепропетровская обл.), судя по их внешнему виду [7, рис. 3, 6].

В трех погребениях со спицами удалось определить пол захоронения: во всех трех могилах погребены мужчины. Это позволило Р. А. Литвиненко и А. Н. Усачуку возразить против женской специализации в ткачестве, хотя тут же авторы добавили, что «...указанным наборам... вряд ли стоит придавать значение профессиональных атрибутов умершего, поскольку для срубной культуры погребения мастеров нехарактерны». При этом сделана ссылка на мнение В. С. Бочкарева [3, с. 122]. В свое время и И. А. Писларий отметил, что в эпоху поздней бронзы, в отличие от средней бронзы, «не было обычая выделять в инвентаре профессиональные занятия умерших» [1, с. 79]. В. С. Бочкарев рассматривал погребения кузнецов-литейщиков, и его вывод о том, что в большинстве культур бронзового века Восточной Европы (в том числе срубной) погребальный обряд не учитывал профессиональной специализации умерших [22], касается прежде всего захоронений кузнецов и литейщиков. Такие погребения (во всяком случае погребения с орудиями данной отрасли) в срубной культуре действительно отсутствуют. Впрочем, Л. С. Ильюков высказал интересную, но труднодоказуемую гипотезу, согласно которой литейщиков в срубной культуре маркировали корольками металла, которые изредка встречаются в срубных захоронениях. При этом внимание акцентировалось не на основной функции мастера, а на ее ритуальном аспекте, в частности — на связи металлурга с «небесным огнем» [23, с. 230]. Но, повторяем, эта кажущаяся нам приемлемой гипотеза недоказуема. Иное дело — погребения с орудиями труда.

Кроме захоронений со спицами (0,2% на массиве из 2326 учтенных погребений), имеются погребения с пряслицами (0,1%), шильями и иглами (0,8%). Погребения эпохи поздней бронзы с иглами и шильями уже трактовались как захоронения мастеров, занимавшихся шитьем кожаной одежды, обуви, сбруи [12, с. 112; 24, с. 254]. Итак, единичные захоронения с орудиями труда, которые можно рассматривать как погребения мастеров, в срубной культуре все-таки имеются. Этих комплексов мало. В нашей сводке имеется 4 погребения с пряслицами, 5 — со спицами, 18 — с иглами или шильями. Всего

их 27, то есть 1,1%³. Естественно, так мало мастеров в обществе не могло быть. Видимо, с орудиями погребали не всех мастеров, а «избранных». Но утверждать, что в катакомбное время картина была принципиально иная, едва ли верно.

К сожалению, авторы, рассматривающие яркие погребения мастеров катакомбных культур, обычно не приводят данных об удельном весе этих комплексов в однокультурных с ними массивах. Эффектность катакомбных погребений мастеров, большое внимание, уделяемое им, создают иллюзию многочисленности данных комплексов. На деле все не совсем так. Например, среди 256 катакомбных погребений Нижнего Подонья [25, прилож. I, II] лишь одно является захоронением литейщика [22, табл.], что составляет 0,4%. На примерно 1400 катакомбных погребений Северского Донца и Донецкого Приазовья [26, с. 27] приходится 7 погребений литейщиков [27, с. 15-16], то есть 0,5%. Таким образом, и катакомбники погребали лишь «избранных» мастеров со знаками их специализации. В катакомбных культурах, как и в срубной, погребения с орудиями труда — исключение, а не правило. Но такие исключения возможны, видимо, в любой религии. Даже в христианских погребениях принадлежность к ремесленной деятельности изредка подчеркивается помещением в гроб орудий ремесла. Например, в Белоруссии в начале нашего столетия сапожнику клали шило, плотнику — топор, портному — иглу и т. д., «чтобы покойнику не надо было возвращаться домой за нужным инструментом» [28, с. 348]. Интересный материал собран Е. А. Полидович, проводившей этнографические исследования в приазовских селах Донецкой области. Информатор Н. Н. Клименко из с. Митьковы Кочкары сообщил, что с покойником иногда кладут вещи, связанные с его профессией (напильники, челноки и т. д.). В. И. Чунах из пгт Первомайское, которая всю жизнь пекла торты на свадьбы, собиралась просить, чтобы в гроб ей положили взбивалку, скалку, резец. Подобная практика, впрочем, не всеми воспринималась позитивно. Е. Н. Кириленко из пос. Ялта сказала по этому поводу: «Если кому нравятся его вещи, пусть кладут (в гроб). А класть вещи — это тяжело для покойника»⁴.

Таким образом, погребения мастеров с орудиями возможны даже в тех культурах, где погребальный обряд в целом не подчеркивает профессиональную специализацию умерших. В ситуации со срубной культурой не вполне ясно то, почему в захоронениях встречены атрибуты казалось бы второстепенных занятий — прядения, ткачества, шитья, плетения, но совершенно отсутствуют орудия, связанные с занятиями, которые, судя по материалам поселений, достигли уже стадии ремесел — металлургии, металлообработки, обработки кожи. Здесь следует учитывать, что любая вещь обладает и практическими, и символическими функциями. В контексте ритуала вещь часто используется не по своему функциональному назначению. Примеров такого нарушения прагматики много, например, в волшебных сказках, где герой использует вещи самым неожиданным образом. Например, гребень или точило бросаются в ходе так называемого «магического бегства», и возникают гора, лес, стена, отделяющие беглеца от преследователей. Герой выступает здесь как демиург [18, с. 343] и медиатор между миром живых и мертвых. В традиционных обществах к числу таких медиаторов относились не только жрецы, шаманы, но и мастера самых разных профессий. Производственная функция мастера была скорее даже второстепенной. Ремесла входили в систему, связанную с сакральными представлениями [28, с. 15]. Создавая вещи, мастер одновременно выступал и как демиург, продолжая дело, начатое творцами Вселенной. Он повторял операции, совершавшиеся богами, а сама работа имела космологический смысл. В «Одиссее» Пенелопа тклет саван, периодически его распуская. Пока царица продолжает эту бесконечную работу, социум пребывает в состоянии зыбкого равновесия. Когда ткание прекращено, социум оказывается на грани гражданской войны. С помощью этой модели можно понять погребения

³В данной связи стоит упомянуть и погребение с кочедыгами — орудиями плетения (любезная информация Р. А. Литвиненко).

⁴Автор искренне благодарен Е. А. Полидович за любезное разрешение использовать собранный ею материал.

мастеров с орудиями. Продолжение деятельности мастеров в загробном мире — гарантия стабильности социума. Вероятно, с орудиями погребали лишь мастеров наиболее сакральных профессий. Нас в данном случае интересуют прядение и ткачество.

По представлениям индоевропейцев, нити пряж ассоциируются с «нитями жизни». У многих народов сложился образ небесных пряж, ткущих золотые нити людских судеб (античные мойры, скандинавские нормы и т. д.). В представлениях германцев прядением занималась богиня Фрея. Золотое веретено — атрибут Артемиды. У южных славян существовал образ богини Судьбы, прядущей золотую нить [29, с. 91]. Ритуальное прядение царем и царицей известно у хеттов [30, с. 212]. Добавим, что пряслица присутствуют в архаических погребениях «скифского» круга, относимых к жреческим [31, с. 94]. По представлениям греков, Вселенная была соткана Афиной [28, с. 14]. То, что орудия ткачества использовались в ритуалах срубным населением, фиксируется их находками в жертвенных комплексах [3, с. 120]. Но при том, что лица, погребенные со спицами, имели, очевидно, какое-то отношение к сакральной сфере, их нельзя считать жрецами в полном смысле этого слова. Из 5 учтенных нами погребений с данными изделиями ни одно не может быть расценено как жреческое, если использовать предложенные В. В. Отрошенко критерии выделения захоронений служителей культа [32]. Погребения из Александровска и Цимлянки достаточно ординарны (впускные, в трех по одному, в одном — два сосуда). Захороненные в них лица имели низкий ранг. Лишь в погребении из Губинихи захоронено лицо очень высокого ранга, судя по тому, что с данным погребением связана досыпка, соединяющая два кургана.

Итак, среди рассмотренных нами комплексов есть погребения с гребнями и погребения с орудиями прядения. Поскольку спицы являлись частями орудия, напоминавшего, как мы полагаем, гребень, а кроме того, попадавшего с собственно гребнем в один ритуальный контекст, возможно допущение, что гребень и гребнеобразное орудие прядения были семантически тождественны, то есть на данное орудие распространялись представления, связанные с гребнями, — знаковая нагрузка этого орудия «удваивалась». Но это — тема отдельного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Писларій І. О. Про ткацтво в добу міді-бронзи та раннього заліза // Археологія.— 1982.— Вип. 38.
2. Писларій І. А. О методе проверки однородности массива археологических памятников // Новые методы археологических исследований.— К.,— 1982.
3. Литвиненко Р. А., Усачук А. Н. Об одной категории костяных изделий срубной культуры // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. — V в. н. э. — Тирасполь, 1994.
4. Привалова О. Я., Привалов А. И. Список памятников археологии Украины: Донецкая область.— К., 1988.
5. Кравец Д. П., Посредников В. А. Методические указания к организации самостоятельной работы на археологической практике «Раскопки курганов в зонах новостроек Донбасса».— Донецк, 1990.
6. Ковалева И. Ф., Ромашко В. А., Никулин И. В., Яремаха В. Н. Могильники эпохи бронзы на р. Заплавка в Среднем Приорелье // Древности степного Поднепровья III-I тысячелетий до н. э.— Днепропетровск, 1983.
7. Ковалева И. Ф. Культурные комплексы так называемых длинных курганов эпохи бронзы // Археологические памятники Поднепровья в системе древностей Восточной Европы.— Днепропетровск, 1988.
8. Андреев В. Н., Саенко В. Н. Два кургана из группы Лемиховой Могилы // Наукові праці історичного факультету.— Запоріжжя, 1993.— Вип. I.
9. Андреев В. Н. Курган эпохи бронзы в Крыму // Древности степного Причерноморья и Крыма.— Запорожье, 1992.— Вып. 3.

10. Гармашов А. И., Науменко С. А. Исследования Цимлянского отряда экспедиции Ростовского госуниверситета в 1991 году // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1991 году.— Азов, 1993.— Вып. 11.
11. Шмаглей Н. М., Черняков И. Т. Курганы степной части междуречья Дуная и Днестра // МАСП.— Вып. 6.— Ч. 1.— Одесса, 1970.
12. Берестнев С. И. Новые погребения эпохи бронзы с производственным инвентарем в лесостепи Левобережной Украины // Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини.— Полтава, 1990.
13. Шарафутдинова И. Н. Курганы у с. Пелагеевка // Древности Поингуля.— К., 1977.
14. Тошев Г. Н. Белоозерский могильник Будуржель в Подунавье // РА.— 1992.— № 3.
15. Вангородская О. Г. О связях культуры многоваликовой керамики по материалам украшений // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины.— К., 1987.
16. Грязнов М. П. Землянка бронзового века вблизи хут. Ляпичев на Дону // КСИИМК.— 1953.— Вып. 50.
17. Ляшко С. Н. Косторезное производство в эпоху бронзы // Ремесло эпохи энеолита — бронзы на Украине.— К., 1994.
18. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки.— Л., 1986.
19. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография.— М., 1991.
20. Diesner H. J. The Yreat Migration. Leipzig, 1978.
21. Ванчуров В. П. Белоозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье.— К., 1990.
22. Бочкарев В. С. Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Проблемы археологии.— Л., 1978.— Вып. II.
23. Ильюков А. С. Погребения литейщиков эпохи средней бронзы из Северо-Восточного Приазовья // СА.— 1986.— № 2.
24. Ключинцев В. Н. Погребения в каменных ящиках сабатиновской культуры на р. Ингулец // СА.— 1989.— № 4.
25. Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы.— К., 1976.
26. Братченко С. Н. Катакомбные культуры Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Тез. обл. семинара.— Донецк, 1989.
27. Нечитайло А. Л. К вопросу о роли Донбасса в развитии металлургии эпохи бронзы // Актуальные проблемы охраны и исследований археологических памятников в Центральном Донбассе: Тез. конф.— Перевальск, 1988.
28. Байбурич А. К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография.— Л., 1990.
29. Дмитриева С. И. Мезенские прялки (к вопросу о происхождении мезенской росписи) // СЭ.— 1988.— № 1.
30. Ардзинба В. Г. Ритуалы и мифы Древней Анатолии.— М., 1982.
31. Бессонова С. С. Об элементах скифского обряда в арханческом некрополе Ольвии // Проблемы археологии Северного Причерноморья.— Херсон, 1991.
32. Отрощенко В. В. «Жреческие» комплексы в системе погребений срубной общности // Археологічні та історичні дослідження Херсонщини.— Херсон, 1993.